

Прем Шуньо

Алмазные дни с ОШО

Новая алмазная сутра

OSHO

Прем Шуньо

Алмазные дни с Ошо.

Новая алмазная сутра

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8483106

Прем Шуньо Алмазные дни с Ошо: ИГ «Весь»; СПб; 2009

ISBN 978-5-9573-1480-6

Аннотация

Эта книга – увлекательный рассказ автора о своем духовном опыте жизни рядом с Ошо, великим индийским мистиком конца XX века. Путь к Мастеру начался для Шуньо в Лондоне в начале семидесятых годов, а в 1975 году она отправилась в Индию и с тех пор постоянно была рядом с Ошо – вплоть до того момента, когда он покинул тело. Взгляд Шуньо – очень личный. Вскоре после прибытия в Пуну ей было предложено присоединиться к команде людей, которые заботились о быте и здоровье Ошо. Читая книгу и глядя на события глазами автора, у читателя появляется возможность приблизиться к Ошо настолько близко, насколько это возможно. Ведь Шуньо не только танцевала на его даршанах и слушала его голос на протяжении полутора десятка лет. Все эти годы она жила рядом с ним, разделяя радости и невзгоды, стирала его одежду, вместе с Ошо она была арестована и переносила все тяготы заключения в американской тюрьме, а затем отправилась

вместе с ним в скитания по всему миру в поисках убежища... Это очень красивая история, наполненная личными переживаниями и сердечным теплом, яркая, интригующая и искренняя, полная смеха, слез, света и необыкновенной любви.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Прем Шуньо

Алмазные дни с Ошо.

Новая алмазная сутра

Посвящается десяти тысячам будд

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используются с разрешения Osho International Foundation.

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com.

Предисловие

Думаю, это правильно, что мне выпала честь написать предисловие к книге Шуньо. Ведь она сама сказала, что именно я подвиг ее на путешествие в Индию семнадцать лет назад. И это я махал ей рукой у трапа отлетающего самолета. Ей предстояло стать ученицей и ближайшим последователем индийского мистика Ошо, покинувшего этот мир в 1990 году.

Перед вами история о пути посвящения, пути *бхакти*, в который отправился западный человек. Эта история о том, что на самом деле для западного человека означает искать, найти, последовать за истинным Учителем и с его помощью узреть врата просветления. Возможно, Ошо не станет мастером ни для вас, ни для меня, но, как не раз говорила сама Шуньо, истина заключена в одной старой поговорке: все пути сердца ведут к вершине одной и той же горы, и чем ближе к вершине, тем больше и больше тропы похожи одна на другую.

В течение пятнадцати лет Шуньо шла по пути, который предложил ей Ошо, – по пути просветления. В это же время она стирала его одежду и работала в ашраме. Она всегда была «тихоней», «Марией Магдалиной» – так иногда называли ее самые близкие друзья.

Темноволосая кельтская красавица, выросшая среди ди-

ких вересковых зарослей Корнуолла, в юности она переехала в Лондон, пытаясь как-то заработать на жизнь. Уже тогда она танцевала, искала любовь и смысл жизни. В 1975 году, бросив все, она уехала в Пуну, в Индию. Ей хотелось самой убедиться в том, что Ошо соответствует тому, о чем пишет. Она убедилась: Ошо соответствовал.

Он назвал ее Четаной. А позже, почти перед самой смертью, дал ей новое имя – Шуньо. Она с гордостью говорит, что оно означает «ноль».

Эта книга – искренний дневник человека, который отважился на путешествие по «американским горкам» своего внутреннего мира и мира вокруг. И хотя это путешествие оказалось опасным для жизни и для рассудка, в целом оно того стоило.

Прожив шесть лет в Пуне, вместе с Ошо Шуньо отправилась в Америку. В те нелегкие годы жизни в Орегоне, когда почти весь мир наблюдал за тем, как американское правительство усиленно пытается выжить их из страны, Шуньо была рядом с Ошо. Она поделила с ним и ужасные моменты, связанные с арестом в Северной Каролине, проведя в тюремном заключении несколько напряженных недель, хотя ей не было предъявлено никакого обвинения. В итоге их отпустили без каких-либо объяснений. Больной, измученный Ошо и еще несколько его самых близких друзей были вынуждены скитаться в поисках убежища, переезжая из страны в страну, терпеливо снося постоянные угрозы и оскорб-

ления. Этим ранимым и вместе с тем потрясающим людям, ставшим одной большой семьей, пришлось выдержать годы ненависти и отвержения, прежде чем они набрались смелости и вернулись в Индию, которую Ошо покинул из-за интриг со стороны политиков. Когда они прилетели в Бомбей, в аэропорту собралась огромная толпа, желающая поприветствовать Ошо.

Шуньо была с ним и все последующие годы, наблюдая за тем, как быстро угасало его тело и как ярко при этом горел его внутренний свет. Несколько независимых друг от друга источников подтвердили, что его смертельная, изнурительная болезнь стала результатом отравления таллием во время заключения в одной из американских тюрем.

За несколько месяцев до своего ухода Ошо сказал Шуньо о том, что все это время она действительно следовала своему пути, и что теперь ее литературный язык стал яснее, а сердце чище, чем когда-либо прежде. Не сомневаюсь, что, читая книгу, вы соприкоснетесь с невероятно глубокой душой Шуньо.

Эта книга содержит в себе как минимум три сокровища. Во-первых, она описывает внутренний путь человека двадцатого столетия с такой искренностью и с такой точностью, что каждый, кто хоть раз пытался заглянуть в свой внутренний мир, узнает частичку себя. Во-вторых, тот, кто еще ни разу не рискнул, но очень хочет понять, что же такое «просветление», узнает, что на самом деле чувствуют люди, при-

ближаясь к вершине того, что в последние тридцать лет цинично называется «движением к осознанности». Эта книга – свидетельство одного из самых ярких и интереснейших явлений нашего времени, а также отчет о постоянной борьбе между темными силами невежества и горящими свечами способности ясно видеть и понимать реальность. И, в-третьих, из-за того, что путь Шунью совпал с путем человека, оставившего неизгладимый след в нашей истории, человека, которого многие несведущие умы считают основателем секты, ее трезвая история – это чрезвычайно ценный взгляд на происходящие события того времени.

Кроме того, оглядываясь назад, мы понимаем, что самыми интересными людьми оказываются те, кто не боялся жить в согласии со своими мечтами и своей внутренней природой. Именно такие люди глубоко трогают нас и заставляют о многом задуматься.

Доктор Лоуренс Блейр – автор книг и одноименных фильмов «Ритмы видений» и «Кольцо из огня», кинорежиссер, лектор

Пролог

Каждый день дровосек ходил в лес, чтобы срубить несколько деревьев и заработать себе на хлеб. Но часто он возвращался домой голодным, потому что шел дождь, или было слишком жарко, а иногда – слишком холодно.

В том лесу жил старик. Он видел, что дровосек не молод, что здоровье его уже не очень, что часто дровосек возвращается домой ни с чем, хотя и трудится целыми днями не покладая рук.

И однажды старик спросил:

– Почему бы тебе не зайти чуть дальше в лес?

– И что же я там найду? – удивился дровосек. – Еще больше деревьев?! Только зря придется тащить дрова лишние мили!

– Нет, – воскликнул мудрый старик, – там, в лесу, ты найдешь медный рудник. Набери руды, и тебе хватит на целую неделю. Не нужно будет надрываться здесь каждый день.

«А вдруг и вправду найду», – подумал дровосек и пошел поглубже в лес. Там он действительно нашел медную руду. Он был так счастлив! Вернувшись к старику, он припал к его стопам.

– Не радуйся слишком сильно, – сказал старик, – лучше зайди в лес еще дальше.

– Зачем? – удивился дровосек. – Ведь теперь мне хватит

еды на целую неделю.

– И все же... – настаивал старик.

– Но ведь тогда я потеряю медный рудник!

– Иди, ничего не бойся. Конечно, медный рудник останется позади, зато дальше ты найдешь залежи серебра, и тебе хватит еды на целых три месяца.

«Старик оказался прав насчет медного рудника, – подумал дровосек, – может, мне и с серебром повезет?»

Он отправился в путь и действительно нашел серебряный рудник. Назад он возвращался, пританцовывая.

– Уж и не знаю, как мне тебя благодарить! – радостно воскликнул дровосек. – Мое счастье безгранично! Что я могу для тебя сделать?

Чуть дальше есть еще и золотой рудник, – улыбнувшись, ответил старик.

Дровосек задумался. Прежде он был бедным человеком, а теперь у него в руках такое богатство, о котором он и мечтать не смел. Но раз уж старик говорит... Кто знает, может, он снова прав? И дровосек отважился и нашел золотой рудник. Теперь ему хватило бы еды на целый год. Но старик сказал:

– Пройдет немало времени, прежде чем ты вновь сюда придешь. Я очень стар и, когда ты вернешься, меня, возможно, здесь уже не будет, так что я должен тебе сказать кое-что еще. Не останавливайся на золоте, пойди еще немного дальше...

– Но зачем? – искренне удивился дровосек. – Для чего все

это? Ты показываешь мне что-то, и в тот момент, когда я это нахожу, ты предлагаешь мне все бросить и идти дальше. Я ведь нашел золотой рудник!

Но мудрый старик ответил:

– В нескольких шагах от него есть алмазные копи.

В тот же день дровосек оправился на поиски и нашел их.

– Этого хватит на всю жизнь, – воскликнул он. Набрав целую грудку алмазов, он вернулся к старику.

– Мы, возможно, больше никогда не встретимся, – сказал тот. – Поэтому вот тебе мои последние слова: теперь, когда у тебя есть все, что тебе нужно, и тебе хватит этого на всю жизнь, **ИДИ ВНУТРЬ СЕБЯ!** Забудь про лес, про медный рудник, про серебряный и золотой, да и про алмазный тоже. Теперь я открою тебе последнюю тайну: все самое ценное скрыто у тебя внутри. Тебе больше нечего искать снаружи, у тебя все есть. Так что просто посиди здесь, рядом со мной.

Дровосек воскликнул:

– Да, именно об этом я и хотел спросить. Вокруг тебя столько богатств, почему же ты сидишь здесь и ничего с ними не делаешь? Я много раз задавал этот вопрос себе. А сейчас я спрашиваю тебя: почему ты не заберешь все эти богатства? Ведь только ты о них знаешь. Чего же ты сидишь под этим деревом?

И старик ответил:

– После того, как я нашел алмазы, мой мастер сказал мне: «А теперь садись и **ПУТЕШЕСТВУЙ ВНУТРЬ**».

Глава 1

Я – здесь

– Ты что-то хочешь сказать?

Голос внутри меня кричит:

– Я здесь, я здесь, – но слова будто застряли в горле и никак не могут вырваться наружу.

А потом глаза...

Когда Мастер смотрит ученику в глаза, смотрит и смотрит... он видит целую жизнь, он видит все: прошлое, настоящее и будущее. Для Мастера ученик абсолютно прозрачен, внутри ученика Мастер видит нереализовавшегося Будду. Что мне оставалось делать? Я могла лишь сидеть перед ним, позволяя ему проникать все глубже и глубже в мой внутренний мир, потому что только так и можно отыскать бриллиант. Мне было страшно, ведь он мог увидеть там то, что я предпочла бы скрыть. Но он смотрел на меня с такой любовью, что единственное слово, которое я могла произнести, было «да». Иногда от такого взгляда в памяти не остается и следа – только лишь чувство полнейшего восторга, огромной радости и прилив энергии, подобный мощному взрыву.

Такой была моя первая встреча с мистиком Ошо весной 1976 года в Индии.

Почти за год до этого я стояла в своей чисто прибранной

кухне в лондонской квартире и чувствовала, что моя жизнь или, по крайней мере, то, как я живу, вот-вот закончится. Это было такое явное ощущение, какое бывает при перемене погоды перед дождем. Хотя для такого чувства не было никаких видимых причин. Друзья смотрели на меня и удивлялись. «С тобой точно что-то происходит», – говорили они. А что я могла ответить? Почему каждое лето лебеди прилетают на озеро Мансовар в Гималаях? Откуда они знают, что пора отправляться в путь, как они находят дорогу? У меня было все, чего я хотела: легкая и счастливая жизнь, множество друзей, любимый. Я работала именно на той работе, о которой мечтала. И я думала: «Это все. Больше мне нечего желать». Но в то же время я уже ощущала ветер перемен, чувствовала его загадочный аромат. Хотя и представить себе не могла, к чему меня приведут эти перемены.

Однажды, зайдя в книжную лавку на Портобелло Роуд, я случайно обнаружила книгу «Взрыв тишины» Ошо. Книга приятно пахла благовониями.

В течение многих лет я была на гребне волны. Я знала, что колесо фортуны рано или поздно повернется, и мне хотелось быть готовой. Вместе с моим другом Лоуренсом мы отправились на Ибицу. Лоуренс был высоким, темноволосым, симпатичным доктором мистических наук. Он видел магию буквально во всем и мог виртуозно передавать ее как вербально, так и посредством кино и литературы. Он только что закончил свою первую книгу «Ритмы видений» и имел

законное право как следует отдохнуть. Прибыв в аэропорт Ибицы, я впервые увидела мать Лоуренса Лидию. Много лет она жила в духовной общине в Индонезии, а также училась в школе Гурджиева. В аэропорту она стояла, подняв обе руки вверх, желая нас поприветствовать. Я до сих пор так помню нашу первую встречу, как будто это было только вчера. Лидия стала моей духовной матерью. У нас очень близкие и глубокие отношения. Порой мне кажется, что мы знаем друг друга целую вечность.

В ее красивом, построенном в традиционном для Ибицы стиле доме мы уселись возле камина, в котором уютно потрескивали сосновые поленья, и принялись обсуждать «Взрыв тишины». Я хотела понять, «безопасно» ли все это. Лидия заверила меня, что медитировать – совершенно не страшно и что я обязательно должна попробовать. Меня смутило то, что было написано на обратной стороне книги относительно биографии Ошо. Там говорилось, что в предпоследнем своем воплощении, семьсот лет назад, он жил в Тибете. Это было слишком уж не похоже на правду. Но я помню, как Лоуренс взглянул на меня, подняв брови, когда я сказала: «Ну, не думаю, что этот человек окажется для меня совершенным духовным мастером, потому что как он может быть для меня совершенным, если я сама не знаю, чего ищу».

Каждый, кто хоть раз бывал на Ибике, знает, что этот остров вызывает массу эмоций и сильных чувств. Им правит богиня Танет, покровительница женщин, а Скорпион – астро-

логический знак острова, что означает глубину и насыщенность, таинственность и магию. Конечно, это был всего лишь отпуск, и я не стремилась к чему-то сверхъестественному. Мне нравилось работать в саду у Лидии, я проводила там все дни напролет. Было приятно ощущать связь с землей и совершенно не хотелось ни на пляж, ни в какие-либо другие места, посещаемые туристами.

На Ибице я впервые погрузилась в медитацию, получила опыт бытия «здесь и сейчас». Это произошло случайно, в силу полнейшей необходимости.

Как-то мы с Лоуренсом и еще несколькими нашими друзьями отправились на пикник. В какой-то момент я решила побродить по окрестностям, собрать для Лидии букет цветов. В последнее время ей нездоровилось, и она осталась дома. Гуляя по острову, я обнаружила заросли кустов примерно с меня ростом, усыпанные огромными розовыми и белыми цветами. Я попыталась сорвать цветок, но это оказалось не так просто. Тогда мне пришлось отламывать ветки, повреждая таким образом сам куст. Сломав несколько веток, я увидела, что из мест надлома сочится белая жидкость. Мне стало плохо, было похоже, что куст истекает кровью. И тогда я сказала кусту: «Что ж, если я так жестоко поранила тебя, то давай я хотя бы залижу твои раны». Я слизнула белый сок с нескольких веток, взяла цветы и повернула к друзьям. Неожиданно я почувствовала, как задняя часть языка и все мое горло онемели, словно мне сделали укол новокаина в ка-

бинете у зубного.

Как только я подошла к друзьям, сидевшим неподалеку на поляне, одна женщина вскочила и побежала ко мне. «Сейчас же выброси эти цветы и сходи вымой руки, – взволнованно крикнула она. – Эти растения смертельно ядовиты». Но их белый сок был уже во мне. Я поняла, что если сейчас расскажу о том, что наделала, эти люди просто с ума сойдут. И тогда я действительно заболела. «По близости нет ни одной больницы, – сказала я себе. – Ничего нельзя сделать. Остается только принять тот факт, что внутри меня яд, и пусть он станет частью меня». Я так и не рассказала друзьям о своем опрометчивом поступке.

Дорога домой показалась мне бесконечной, и я предпочитала молчать. Друзья наперебой рассказывали истории о людях, умерших от яда этих коварных красавцев. Недавно в этих краях погибла целая семья: мать, отец и двое детей. Они жарили шашлык, а вместо шампуров использовали ветки этого растения.

В машине было много народу, и от этого было жарко. Я сидела у Лоуренса на коленях. Наклонив голову, я смотрела в окно. Я все еще чувствовала онемение в горле. И тогда я сказала себе: «Со мной будет все в порядке, если только я сумею согласиться с тем, что внутри меня яд, и расслабиться». Я заключила с цветами безмолвную сделку: их яд будет храниться в моем организме, не причиняя мне никакого вреда, до тех пор, пока я сознательно не решу отравиться. Я

не знала, что это значит, но так подсказывал мне мой внутренний голос.

Мы подъехали к дому Лидии, начинало темнеть. Я до сих пор помню, каким невероятно красивым было в тот вечер небо, окрашенное лучами уходящего солнца, поблескивающего среди ветвей миндального дерева. Мы приготовили ужин. Я проглотила еду, не сказав ни слова. Меня как будто перенесло в «здесь и сейчас», потому что каждый момент моей жизни мог оказаться последним. Меня слегка тошнило, и кружилась голова. Но все, что я делала, было исполнено глубочайшего смысла. Неожиданно моя жизнь стала очень насыщенной. Я осознавала все происходящее так ясно, как никогда прежде. Я осознавала себя, свое тело, чувствовала биение сердца, обращала внимание на каждое свое движение. Мне не хотелось сидеть. Поэтому я вскочила и начала убирать со стола. Лидия и Лоуренс несколько раз звали меня посидеть с ними, и вообще, какого черта я «все время кручусь на кухне». Но я чувствовала себя совершенно спокойно. Я почти ни о чем не думала.

Засыпая в ту ночь, мне было интересно, смогу ли я завтра проснуться. Я совершенно отчетливо помню комнату, помню, какой она была, когда я взглянула на нее в последний раз перед тем, как закрыть глаза. Она произвела на меня неизгладимое впечатление.

На следующее утро я проснулась абсолютно здоровой. Позже я прочитала в энциклопедии: «Олеандр – южный

вечнозеленый кустарник или небольшое деревце... обладает ядовитым, похожим на молоко соком. Наиболее известен как олеандр обыкновенный или как рододендрон. Произрастает в Средиземноморье и на территории субтропической Азии. Был описан еще греком Плинием, отмечавшим его ядовитые свойства и красоту цветов».

Но дело не в этом. Тогда я впервые поняла, что значит жить в моменте, осознавать каждый свой вздох, каждое движение. То были мои первые шаги на Пути.

В другой раз нас с Лоуренсом и Лидией пригласили на коктейль. Среди гостей было много богачей, титулованных и довольно чопорных особ. Друг, пригласивший нас на вечеринку, любил собирать вокруг себя разных интересных людей. Думаю, что именно поэтому мы получили приглашение: мы были своего рода «эксцентричным обрамлением» праздника на фоне других гостей.

В какой-то момент, в самый разгар вечеринки где-то на соседней улице, должно быть, машина сбила собаку. Поскольку все окна в доме были открыты, пронзительный вопль раненого существа заполнил собою весь дом, в котором титулованные гости чинно потягивали коктейли и вежливо беседовали между собой. Поймите меня правильно, я никогда и нигде раньше не закатывала сцен. В конце концов, я англичанка и всегда была «тихоней». Но отчаянный вой собаки так сильно разбередил мою душу, затронул что-то очень-очень глубокое внутри меня, что я начала выть вме-

сте с ней. Я совершенно не думала о том, что «настоящие люди так себя не ведут», или что это социально неприемлемо, или что люди посчитают меня сумасшедшей. Я упала на пол и стала скулить, полностью растворившись в боли раненого животного.

Открыв глаза, я увидела, как последний гость в панике закрывает за собой дверь. В комнате не было никого, кроме Лоуренса, Лидии, меня и хозяина дома. Даже Лидия, которая, в сущности, не придерживалась общественных норм приличия, выглядела слегка смущенной и обеспокоенной. Она опустилась рядом со мной на колени и спросила: «Детка, с тобой все в порядке?» Я же чувствовала себя великолепно, как никогда. Что-то мое очень глубокое вырвалось наружу. Это было потрясающе красиво. А хозяин дома был просто в восторге. Думаю, он был доволен тем, что его вечеринка послужила отличным поводом для сплетен и пересудов.

Да, отпуск мой поистине удался! В последующие несколько недель я видела лица без телесной оболочки, никому, конечно же, об этом не рассказывая. А один раз я слышала поющие голоса. Вот тогда я и решила, что по возвращении в Лондон, как только у меня появится возможность, я тут же отправлюсь к Ошо, в его медитационный центр, и начну медитировать. Было такое ощущение, что запутанный клубок моей жизни начинает потихоньку распутываться.

До этого я никогда не участвовала в религиозных группах и не общалась с учителями мистики. Лишь время от времени

я читала книжки то Кришнамурти, то что-нибудь о дзен, но никогда не считала себя настоящим искателем.

А что вообще означает быть искателем? Для меня это означает знание того, что есть нечто большее, чем ты испытываешь. Ты знаешь, что жива лишь какая-то часть тебя, но со всем существом контакта у тебя нет. Ты чувствуешь, что в жизни есть нечто большее, гораздо большее. И ты можешь это найти, и тогда ты отправляешься в Путь.

Я чувствовала, как что-то внутри меня зашевелилось, словно начало ворочаться во сне. Может быть, я слышала отдаленный зов древнего мудреца. Позже я узнала это чувство в словах Ошо. Хотя нам и казалось, что это мы его нашли, но это было не так. «Я звал вас», – как-то сказал нам Ошо.

Знаю, что тогда я воспринимала происходящее не таким, каким оно было на самом деле. И я помню, что, перед тем как уехать в Индию, я решила попрощаться с моим любимым Корнуоллом, с его скалами и небольшой бухтой, в которой я провела все детство. Глядя на возвышающиеся громады, я сказала: «Я приеду к вам снова только тогда, когда научусь видеть вас по-настоящему». Уже тогда я понимала, что мне еще многому предстоит научиться.

В первый раз я пришла в медитационный центр не вовремя – медитация только что закончилась. Центр находился в лондонском полуподвальном помещении на Белл-Стрит. Рядом располагался овощной рынок, и вокруг было полно народу. Войдя внутрь, я попала в длинный, выкрашенный в бе-

лый цвет коридор метра полтора высотой. По обеим сторонам лежали подушки. Это была так называемая «гостиная», в которой саньясины время от времени собирались попить чаю и посплетничать. Идя по коридору, я то и дело встречалась с саньясинами, выходявшими из другого зала после медитации. Это были мужчины и женщины, обнаженные и вспотевшие! «Какая же это медитация?!» – подумала я про себя. Оглядевшись по сторонам, я заметила, что стены коридора увешаны фотографиями мужчины. Я решила, что это и есть Ошо. Так много фотографий, а все эти люди сидят у его ног! «Да кто он такой? – удивилась я. – Он что для них – кинозвезда? Или еще кто?» Нет, это место было явно не для меня. Я вылетела оттуда в гневе и всю дорогу до дома шла пешком. Я была в такой ярости, что даже не подумала сесть на автобус или поймать такси, хотя дорога была не близкой.

В ту ночь мне приснилось, что я усиленно что-то делаю. Не помню что, но помню свои ощущения. Я очень хотела это сделать и старалась изо всех сил, и после двух лет упорного труда мне вручили подарок. Подарок мне протянул мой друг, которого я знала и любила уже много лет. Он недавно принял саньясу и теперь его звали Риши. Я протянула руки, чтобы получить подарок, но в руках ничего не увидела. И какой-то голос сказал: «Ну, не знаю! Ты работала два года и все равно не понимаешь, что получила. Ты даже не можешь это увидеть!» Но мне было все равно. Я знала, что мне предстоит трудиться два года, а потом еще два. Неожиданно я

почувствовала сзади порыв ветра и посмотрела на горизонт. Оказалось, что я могу видеть бесконечную даль.

Впечатление было таким сильным, что я проснулась и сказала себе: «Это наверняка связано с медитационным центром. Нужно еще раз туда сходить». А на следующее утро я уже делала Динамическую медитацию.

Эта медитация перевернула всю мою жизнь. Участники делали ее обнаженными, но вскоре я поняла, что в этом не было ничего сексуального. Наоборот, я чувствовала, что мое тело никого особо не интересует. К тому же у всех на глазах были повязки. Медитация проходила под музыку. Первая стадия медитации заключалась в хаотическом дыхании. Вторая стадия – катарсис, высвобождение эмоций. Я думала, что не подавляю эмоции и что мне не от чего освободиться, поэтому во время второй стадии просто танцевала. Но через несколько дней я вдруг увидела себя высокой амазонкой, стоящей на вершине холма. Я кричала, и мой крик был таким громким, таким первобытным, что заполнил собой всю вселенную. Так, по крайней мере, мне казалось. Я кричала в темноте. Это были агония и боль всего прошлого человечества. Но я сама чувствовала себя отстраненной, как будто лишь наблюдала за какой-то девушкой и слышала чей-то чужой крик.

Катарсис помогает очиститься перед медитацией. Я поняла, что не могу просто сидеть и медитировать, потому что в голове у меня слишком много мыслей. Тогда я на самом деле

думала, что я – это мой ум. Я не могла отделить постоянно крутящиеся в голове мысли от внутреннего существа. Я понятия не имела, что такое сознание. Я знала только мысли. Но после того, что со мной произошло во время Динамики, я поняла: во мне гораздо больше всего, чем я предполагаю.

В другой раз во время катарсиса я ощутила, будто мое тело – вовсе не мое. Оно превратилось в один сплошной горб. Мое лицо исказилось, рот открылся, а глаза рассредоточенно блуждали из стороны в сторону. Вся левая половина тела вдруг куда-то провалилась, а изо рта начали вырываться странные звуки, словно я разучилась говорить. Я забилась в угол, и у меня было чувство, что никто в целом мире не способен меня понять. Но самым сильным ощущением была любовь. Любовь окутала все это странное «существо», которым теперь являлось мое тело. Я чувствовала себя мужчиной, и этот обезображенный горбун был полон любви, нежности и ласки, такой красивой, такой трогательной. Мне не нужны были объяснения. Очередной раз я смотрела на все со стороны, наблюдала за тем, что со мной происходило. Мне не было страшно, скорее наоборот, почему-то все это казалось мне вполне естественным. И все же я много лет никому не рассказывала о своих переживаниях, потому что боялась, что меня сочтут сумасшедшей.

На третьей стадии медитации в течение десяти минут мы прыгали с поднятыми вверх руками и кричали: «Ху! Ху!». Потом раздавалась команда «СТОП!», и все замирали на ме-

сте. Во время четвертой стадии сама собой начиналась медитация. Ничего не нужно было делать. Только просто быть. Затем шла заключительная стадия, во время которой мы танцевали, празднуя бытие, и это тоже происходило очень естественно, само собой.

Я делала Динамическую медитацию каждый вечер в течение примерно полугода. Однажды, после первых нескольких раз, меня задержала полиция. Я вышла из центра в полном блаженстве, будто под действием наркотиков. Белл Стрит – одна из самых неприятных улиц Лондона. Она находится в стороне от Харроу Роуд, на пути к аэропорту. На ней всегда полно грузовиков и тяжелого транспорта. Недалеко от нее расположена железнодорожная станция Пэддингтон, и повсюду, куда ни глянь, стоят лишь старые, отвратительные дома из красного кирпича. А я шла среди этого хаотического безобразия серости и дымных машин, смотрела по сторонам и говорила себе: «Как же все это красиво!» Удивительным было и то, что я ни разу не опоздала на медитацию. Каждый вечер ровно в шесть я садилась на автобус и ехала до Пэддингтона. Я спрашивала себя: «Что это со мной случилось? Я всегда и везде опаздываю – и в школу, и на работу, и даже на свидания».

Саньяса тех дней состояла из трех несложных правил. Во-первых, нужно было носить малу – деревянное ожерелье, состоящее из ста восьми бусин и пластикового медальона с фотографией Ошо. Малу, только без фотографии, обычные са-

ньясины в Индии носят уже много тысяч лет. Во-вторых, саньясины Ошо постоянно носили оранжевые одежды и, в-третьих, называли себя санскритскими именами, освобождаясь таким образом от старого имени и связанных с ним ассоциаций. Каково же было мое удивление, когда в Индии я впервые увидела «традиционных саньясинов». Они были одеты в точности как я, во все оранжевое. И у каждого была мала. Могу себе представить, каким ударом было для них видеть западного человека, да еще женщину, одетую так же, как их «святые». Традиционные саньясины отрекались от мира. Обычно это уже были люди в возрасте. Естественно, среди них не было женщин. И, конечно, ни одного саньясина нельзя было встретить в сопровождении женщины. Теперь (когда я пишу эту книгу) мы больше не носим малу и можем одеваться, во что хотим. Наверное, все эти атрибуты просто больше не нужны.

Желание носить оранжевое возникло во мне спонтанно. Я и не подозревала, что это было одним из правил. А мала стала для меня абсолютной необходимостью, потому что до того, как она у меня появилась, я постоянно чувствовала, что что-то потеряла. Это ощущение стало приходить ко мне почти сразу после того, как я начала медитировать. Я задыхалась и хваталась руками за грудь, как будто потеряла дорогие бусы. Из-за того, что это случалось со мной где угодно, я несколько раз попадала в неловкие ситуации. В конце концов, я подумала: «Черт, мне нужно раздобыть одно из этих

ожерелий».

Саньясины, с которыми я познакомилась в центре, понравились мне не слишком. Например, до этого я никогда не встречала женщин без макияжа, а здесь у многих из них были бледные неухоженные лица, а на голове возвышалось нечто длинное и бесформенное. Мужчины же показались мне чересчур женственными. Я бы не стала приглашать этих людей к себе в гости и знакомить с друзьями. Однако что-то в них меня все же привлекало, и я все больше и больше времени проводила в медитационном центре и все реже появлялась на вечеринках у друзей.

Была в центре одна женщина. Каждый вечер, придя на медитацию, я видела, как она сидит в круглом белом коридоре и вяжет цветной шарф. Она не была саньясинкой, и, как я узнала из разговоров, за молодым, привлекательным лицом и увлечением афганской одеждой и тибетской обувью скрывалась успешная деловая женщина – адвокат. Ее звали Сью Эпплтон, но вскоре она сменила имя на Анандо. Тогда я и представить себе не могла, что наши жизни переплетутся впоследствии так же ярко, как нити того этнического шарфа, который она вязала.

Еще одну женщину, с которой я познакомилась, звали Сьюзен, а чуть позже – Савита. Она была бухгалтером, но ее простой и домашний вид отлично маскировал ее натуру. Впоследствии именно она сыграет основную роль в разрушении многих жизней. Ее талантливое обращение с цифрами

позволит ей получить доступ к миллионам долларов и делает ее преступницей. Но это будет позже, а пока мы вместе участвовали в группе, проходившей в загородном доме в Саффолке. В течение всей группы мы не общались друг с другом, но в самом конце ведущие выключили свет и в полнейшей темноте попросили нас снять одежду и сложить ее в углу комнаты. Затем каждый из нас подходил к куче и брал оттуда наугад чьи-то вещи. Когда свет загорелся вновь, я увидела, что моя одежда досталась Сьюзен. Мы мельком взглянули друг на друга. Ощущение было странное: будто без нашего согласия, но с большими церемониями нас сделали кровными родственниками. То была связь, которой я вовсе не горжусь.

Медитации давали мне не только огромную радость, но и четкое понимание того, что все, что я знала до сих пор, утратило для меня свое значение. Если раньше я любила ходить в ночные клубы и на вечеринки, то теперь стала замечать, что лица людей, для которых я так старательно наряжалась и красилась, были безжизненны и ничего не выражали. Даже самые богатые из моих знакомых выглядели так, словно в душе у них зияла огромная дыра, а друзья-интеллектуалы могли пространно рассуждать на любую тему, рассеянно глядя сквозь собеседника. Однажды, разговаривая с моим другом на открытии его выставки в художественной галерее, я заметила, что хотя мы и разговариваем, но его рядом нет! Я видела его отсутствующий взгляд, похоже, мыслями и серд-

цем он было где-то очень далеко. Он даже не заметил, что я остановилась на полуслове и удивленно на него уставилась.

Вокруг была сплошная фальшь. Я написала Ошо огромное количество писем, в которых спрашивала: «Почему в мире нет ничего настоящего?» К счастью, у меня хватило ума не отсылать большую часть этих опусов. Тогда я еще только начала медитировать, и многое для меня открывалось заново. Когда я внимательно посмотрела на свою жизнь и окружающих меня людей, мне стало не по себе. Иногда мне становилось страшно от того, что я видела. В первые месяцы медитации я узнала очень много нового и необычного. Динамическая медитация пробудила во мне энергию. Это придало моему взгляду свежесть и ясность. Так я стала искателем.

Два раза в неделю я подрабатывала секретаршей у нескольких модных фотографов и их друга-художника, который вечно носил все синее и жил с такой же синей женой и ребенком, в синем доме с синими коврами и синей мебелью, с синими картинами на синих стенах. Когда я начала носить оранжевое, он подумал, что я сошла с ума! Он позвонил фотографам и взволновано сообщил им, что я тронулась рассудком, потому что начала медитировать. Они ужасно удивились и сказали, что из всех, кого они знают, мне меньше всего нужна медитация. «Ты же всегда такая счастливая и расслабленная», – недоумевали они.

Двое других моих знакомых отвели меня в сторону и очень серьезным тоном спросили, не употребляю ли я нар-

котики. «Нет, – громко ответила я, – я медитирую».

Раз в неделю я работала на одного актера, была его, как он сам выражался, личным ассистентом. На самом деле, большую часть времени я лишь слушала его болтовню. Он был чрезвычайно красивым, богатым молодым человеком. Однако время от времени он напивался, ломал всю мебель и разбивал окна, отчего его руки все время были в кровавых ссадинах. Он сказал, что медитация – это пустая трата времени и что он никогда в жизни не даст мне денег, хотя мог бы.

Вскоре я поняла, что очень хочу увидеть человека, придумавшего все то, что так сильно изменило мою жизнь. Я не могла дождаться того дня, когда же, наконец, приму саньясу. Церемония посвящения проходила в Лондоне, и вел ее Шьям Сингха, человек, обладающий мятежным духом; это был настоящий тигр с горящими желто-зелеными глазами, невероятно харизматичный и мудрый. Тогда он мне очень помог, но вскоре наши пути разошлись. Он вручил мне бумагу, на которой рукой Ошо было написано мое имя – Ма Дхарма Четана. В те дни было новолуние в Скорпионе, в Восьмом доме зодиака, и я чувствовала, что это благоприятное начало для моей новой жизни.

В своем первом письме к Ошо (я обратилась к нему как к «Господину полной луны», что и является значением слова Раджниш { *Раджниш* – Ачарья Шри Раджниш, затем Бхаван Шри Раджниш, затем Шри Раджниш Зорба Будда. Так звали Ошо до начала 1989 года. }) я написала, что слышала

его слова о пути, но чувствую себя настолько потерянной, что не могу отыскать даже собственные ноги, чтобы хотя бы поставить их на путь. И получала ответ: «Приезжай, просто приезжай, с ногами или без». Так романтично – и с юмором. Было ощущение, что Ошо подмигнул мне и улыбнулся.

Я назначила дату своего отъезда в Индию. У меня не было денег, но я решила, что поеду в любом случае, и неважно, будет у меня билет или нет.

Я собрала все, что у меня было, как будто и не думала возвращаться. Двух своих кошек я отдала одной эксцентричной старушке, жившей в деревне. У нее и без того было сотни две котов. Моих же она поместила в отдельный домик, стоявший у нее в саду.

Собаку ши-тцу по кличке Бест я отвезла родителям в Корнуолл. Они, кстати, довольно легко восприняли мой «новый каприз, который скоро пройдет». Мама даже каждое утро ходила со мной на берег, где я делала «Динамическую». Гуляя вместе со мной по нашему небольшому городку, она время от времени останавливалась и с гордостью сообщала соседям и лавочникам, что «наша Сандра теперь медитирует». Но через несколько дней она забеспокоилась, решив, что медитировать каждое утро – это уж слишком. «Ты либо сойдешь с ума, либо попадешь в монастырь», – с тревогой сказала она. Моя мать была прекрасна в своей наивности. А отец обладал отличным чувством юмора. Я попрощалась с бабушкой, братом и сестрой. Обнимаясь с родителями, я плакала. А потом

долго махала им рукой, высунувшись из окна поезда, отъезжавшего от перрона старенькой станции на холме в Лизкирд. Я думала, что уезжаю навсегда и никогда больше не увижу своих родных.

Лоуренс отвез меня в Лондонский аэропорт и пожелал мне счастливого путешествия во внутренний мир, в то время как он сам отправлялся в путешествие по миру внешнему – от Голливуда до примитивных племен Новой Гвинеи. Мы не знали, встретимся ли мы когда-нибудь еще. Со слезами на глазах я спросила: «Как ты думаешь, я смогу там заниматься йогой?» Он обнял меня одной рукой и сказал: «Там можно много чем заниматься, и я уверен, ты многому научишься».

Глава 2

Светящаяся темнота

Проведя всего лишь ночь в индийском отеле в Пуне, я решила оставить поиски истины. Снаружи отель выглядел еще куда ни шло. Я очень устала, поскольку была потрясена и шокирована тем, что увидела в Индийском аэропорту и на вокзале. Мне показалось, что это вовсе не вокзал, а лагерь для беженцев: целые семьи спали на грудах тюков прямо посреди платформы, по которой оголтелые пассажиры снова-ли туда-сюда. Голодные оборванцы и калеки тянули меня за одежду, требуя какой-нибудь подачки. Они смотрели на меня так, будто хотели целиком меня проглотить. Носильщики и таксисты кричали друг на друга, и в какой-то момент дело даже дошло до драки. Один из них ударил другого по лицу и начал душить – и все из-за клиентов. И везде толпы народу. Просто какое-то демографическое наваждение!

В номере отеля на стене я увидела самое отвратительное чешуйчатое существо, которое когда-либо встречала. Это был огромный таракан длиной около восьми сантиметров, и он на меня полетел. Тогда уже «взлетела» я. Я кричала так громко, что ко мне стали стучаться.

Я до сих пор помню, какое удивление и недоверие отобразилось на лице хозяина отеля, когда он понял, что весь этот

шум-гам из-за безобидного таракана.

Повернув в ванной кран, я с удивлением обнаружила, что вода протекает сквозь раковину и льется прямо мне на ноги. Видимо, строители что-то недоделали, потому что трубы, соединяющей раковину со сливом, просто не было. Я пошла к портье и попыталась объяснить, что случилось. Но потом взяла менеджера за руку, отвела в номер и показала ему раковину без дна. Однако он так и не понял, в чем, собственно, проблема. Других свободных номеров в отеле не было.

Кровать представляла собой металлическую раму, выкрашенную когда-то в голубой цвет. Пружины кровати торчали в разные стороны и больно врезались в тело через очень тонкий матрас. Сверху лежали две истертые простыни, которые уже очень давно не менялись. Но самым ужасным была нарисованная на стене кровавая свастика. Я решила, что это знак какой-нибудь черной магии. Тогда я еще не знала, что свастика – это буддийский символ, означающий удачу. А Гитлер, случайно или нет, перевернул ее, и она стала символом зла. К тому же она была нарисована не кровью, а травкой, которая, если ее пожевать, становится красной. У нее такое же действие, как и у табака. Эта травка очень популярна в Индии, и ее остатки можно встретить повсюду, индусы сплевывают их где попало.

Было поздно, и я не хотела выходить на улицу, полную несущихся куда-то сумасшедших людей. Поэтому я сидела всю ночь, одетая, на кровати, не решаясь на нее лечь, и пла-

кала.

В какой-то момент я все же уснула, свернувшись калачиком. Разбудили меня громкие звуки радио, передававшего музыку из индийского кинофильма, и крики людей в коридоре. Проснувшись, я решила устроить себе короткий отдых там, где есть солнце, и затем вернуться в Лондон. Но у меня с собой было несколько книг, которые я должна была передать в библиотеку ашрама. Так что я взяла рикшу и отправилась в ашрам. Оттуда я собиралась поехать на побережье. Но едва я ступила одной ногой на землю, выбираясь из повозки, как, подняв глаза, увидела перед собой Риши. Это был он, тот мужчина из моего сна, который вручил мне «подарок» за то, что я усердно работала целых два года. Риши отвел меня к себе домой, нашел для меня кровать, и там я провела целую неделю. Только после этого я пришла в себя.

Я начала посещать беседы, проводившиеся на хинди. Ошо в то время давал дискурсы каждое утро: один месяц – на хинди, следующий месяц – на английском. В тот месяц беседы шли на хинди. Поначалу я не могла оценить всю красоту и грацию Ошо, но что-то в нем определенно было. Мастер находится на таком уровне сознания, что обычному человеку трудно его понять. Только скрытая, мистическая часть человека, та, которая может чувствовать волшебство жизни, как-то находит путь к Мастеру и узнает его.

Слушать непонятный язык два часа, сидя на мраморном полу, кажется полнейшим сумасшествием. Но зал Чжу-

ан-цзы, с его невероятно высокой крышей, поддерживаемой колоннами, был открыт со всех сторон. За ним начинался сад, такой роскошный и экзотический, что сидеть в этом зале было одно удовольствие. А голос Ошо, говорившего на хинди, звучал для меня как самая чудесная музыка, которую я когда-либо слышала. Я не пропустила ни одного дискурса. Они нравились мне даже больше, чем на английском.

Во время муссонов, в сезон дождей людей в ашраме было мало (иногда не больше ста человек). Я слушала, как дождь барабанит по листьям окружающих нас джунглей. В такие дни было очень легко погрузиться в медитацию, даже не заметив этого. Обычно дискурсы шли два часа и заканчивались фразой на хинди «Адж Итна Ии» (на сегодня достаточно), и я каждый раз думала: «Ой, нет! Я ведь только что села». Я сидела и чувствовала такой прилив энергия, что заполняла собой весь зал, я словно скакала, как дикий жеребец: голова закинута назад, грива развивается. Но в тот момент, когда я успокаивалась и затихала, раздавались эти последние слова: «Адж Итна Ии». Приближаясь к завершению дискурса, Ошо всегда понижал голос, и человек мягко пересекал границу забвения. Рядом с Ошо время теряло свое значение: два часа легко могли превратиться в две минуты.

Я чувствовала себя невероятно живой, как будто Ошо дал мне новую жизнь. Конечно, раньше я как-то существовала в теле и даже наслаждалась происходящими событиями, но теперешняя жизнь была качественно другой.

В первые несколько дней после того, как я начала ходить на дискурсы, со мной стало твориться что-то странное. Я выходила из зала и бежала напрямик в туалет. Там меня рвало. А оставшуюся часть дня я чувствовала себя отлично. Но на следующее утро повторялось все то же самое. Я ничего не могла с собой поделать. Я не хотела бросать дискурсы, потому что они мне очень нравились, но я и не могла написать Ошо: «Возлюбленный Мастер, твои дискурсы выворачивают меня наизнанку». Поэтому я продолжала слушать беседы, а после извергать из себя все то, что накопилось во мне за много лет.

Когда приступы тошноты закончились, я начала плакать. Каждое утро я выбегала из зала и, найдя в саду уединенное место, рыдала навзрыд. Иногда я продолжала всхлипывать и вытирать слезы до самого обеда. Так продолжалось несколько месяцев. Я не понимала, отчего я плачу. Мне не было грустно, наоборот: меня переполняло столько всего, что я не могла не расплакаться.

Когда человек начинает медитировать, его тело реагирует на это определенным образом довольно часто. Когда мы медитировали в горах или на медитационных группах, нас иногда тошнило. Но Ошо каждый раз рекомендовал нам не бежать сразу к врачу, а подождать пять дней. Подобные приступы обычно проходили сами собой, и медицинская помощь оказывалась не нужна, поскольку такие болезни чаще всего «обитают в голове». Совершенно очевидно, что тело и ум

связаны между собой, и что если эту связь понять, то можно избежать многих неприятностей.

Каждый раз, когда заканчивался очередной месяц, и язык дискурсов менялся с хинди на английский или наоборот, я удивлялась, что все еще в ашраме, с Ошо. И хотя я пришла «навсегда», тем не менее, я не могла сказать, как долго я здесь еще пробуду. Риши к тому времени всерьез занялся своим духовным развитием. Он дал обет безбрачия и ел только бурый рис. Поэтому, позволив мне пожить у него несколько недель, он все же попросил меня найти другое жилье.

Когда я приняла саньясу, мужчины-саньясины казались мне слишком мягкими и женственными. «Ну, похоже, моей любовной жизни пришел конец, раз уж я решила идти этим путем», – говорила я сама себе. Но мне было все равно. В свои двадцать девять я чувствовала себя уже очень опытной, и мне не о чем было жалеть. Однако, войдя однажды утром в кафе «Восторг», чтобы выпить сока сахарного тростника, я встретила высокого, худого белокурого англичанина по имени Прабудда и влюбилась. Оказалось, что мы живем в одном и том же отеле, и уже через неделю мы решили жить в одном номере, поскольку это дешевле. Этот отель был не таким ужасным, как тот, в котором я провела свою первую ночь в Индии, но и здесь не обошлось без тараканов, текущей раковины и криков по ночам. На улице стояла невыносимая жара, и электричество постоянно отключали. И все же счастливее

меня не было человека в целом мире.

Каждый вечер на веранде своего дома Ошо встречался с двенадцатью-пятнадцатью учениками. Эти встречи назывались даршанами (в буквальном переводе «даршан» означает «видеть»). В уютной атмосфере близости и доверия Ошо знакомился с вновь прибывшими в ашрам искателями и помогал всем, у кого были трудности с медитацией, или, как это часто случалось с западными людьми, тем, у кого были трудности в отношениях. В тот вечер я сидела рядом с Лакшми, невысокой индианкой, работавшей у Ошо секретарем. И вдруг услышала свое имя. Я не заметила, как он вошел. Воздействие его энергии на меня было очень сильным, я была окутана ею, словно прохладной дымкой, от этого у меня слегка кружилась голова. Его глаза светились каким-то новым светом, а жесты были полны какой-то незнакомой грации. Излучая одновременно силу и мягкость, он не был похож на того человека, которого я видела каждое утро на дискурсах. Когда я села перед ним, у меня пересохло во рту, и я не могла произнести ни слова. Ошо посветил на меня маленьким фонариком и посоветовал каждый вечер делать определенную медитативную технику, а через две недели вновь к нему прийти. Он сказал, что впереди меня ждет много нового. Две следующие недели я думала, что со мной произойдет что-то поистине трагическое и «духовное», но меня ожидало лишь «полнейшее счастье». Я сказала об этом Ошо.

«Тебя ждет еще больше счастья, – был его ответ. – Когда

ты открываешься для счастья, оно начинает тебя переполнять, и ему нет конца. Если же ты открыта для страданий, то твои мучения приумножаются. Все зависит от того, на что ты внутренне настроена. Это просто поворот внутри тебя, внутренняя настройка. Это как радио, которое улавливает определенную волну: человек попадает именно в те ситуации, на которые настроен.

Да, именно, если ты попробуешь настроиться на счастье, то начнешь воспринимать все радости, существующие в мире. Счастье поистине велико, никто не может исчерпать этот источник. Он подобен бездонному океану, всегда наполнен до краев. У него нет ни начала, ни конца. То же самое касается и несчастья, его океан тоже безбрежен».

Он сказал, что, как только я научусь поворачиваться лицом к счастью, оно станет проникать в мою сущность все глубже и глубже до тех пор, пока я совсем не забуду о том, что в мире есть еще и несчастье.

В ту ночь мне приснилось, будто я падаю. Я лечу, и вдруг появляются чьи-то руки и подхватывают меня, и я понимаю, что это Ошо.

Мне пришла в голову идея, что с медитацией тоже случается нечто вроде медового месяца. В первые встречи с Ошо со мной происходило много всего странного и необычного. Думаю, это оттого, что я ничего не ждала. Я мало знала об эзотерике вообще и поэтому была открытой.

Однажды я сидела на дискурсе не в самых первых ря-

дах, но достаточно близко, чтобы встретиться с Ошо глазами. Взглянув на него, я почувствовала невероятный прилив энергии, словно в моем теле, в области груди, взорвалась атомная бомба. В последующие несколько лет мой сердечный центр был самым активным.

Когда я впервые услышала слова Ошо об осознанности, я ничего не поняла. И каждый раз, когда я пыталась быть осознанной, я чувствовала, что в какой-то момент мое дыхание останавливается. Я не могла дышать и быть осознанной одновременно. Наверное, я просто слишком усердствовала и от этого чересчур напрягалась.

Я начала понимать, что Ошо имел в виду, рассказывая нам об обусловленности и о том, что наш ум полон разных программ, навязанных нам родителями, обществом, учителями, телевидением и современной музыкой. Со мной было именно так. Раньше я никогда об этом не думала, но теперь начала многое замечать и понимать. Я научилась наблюдать за собой, за своими реакциями на разные события, начала обращать внимание на мысли относительно тех или иных явлений. В процессе переосмысления я вспомнила, что моя школьная учительница рассказывала нам о том, что «...моя бабушка научила меня, как...», а «это» — то, во что верил мой отец. И у меня возник резонный вопрос: «А где же во всем этом я сама?»

Медитация случалась со мной сама собой. Я просто сидела на дискурсе и слушала голос Ошо. Иногда он останавли-

вался, делая паузы между словами или предложениями. Я прислушивалась к музыке его слов, к ритму речи и таким образом начинала медитировать. Мне не нужно было прилагать особых усилий, как-то специально настраиваться. Все происходило спонтанно.

Я стала настолько ценить дискурсы, что порой просыпалась по несколько раз за ночь, волнуясь, что уже пора идти. После того, как приступы рыданий в саду ашрама прошли, дискурсы стали меня вдохновлять и были отличным началом каждого дня.

Я начала замечать, насколько Ошо отличается от всех, кого я видела. Он иначе двигался, у него были совершенно особые жесты. Порой я могла весь дискурс сидеть и наблюдать за его руками. Каждое их движение было полно тончайшей грации и поэзии. И при этом рядом с ним можно было ощутить его невероятную силу. Его голос завораживал, он как будто соблазнял нас, но то был соблазн-приглашение вступить на путь медитации, стать человеком духовным, стать настоящим искателем. Он протягивал нам руки, он манил, как будто мы были детьми, делающими первые шаги. Он подбадривал нас и увлекал за собой к вершинам осознанности.

Он смеялся вместе с нами и просил нас никогда не быть слишком серьезными. Он говорил, что серьезность – это болезнь, а жизнь – веселая игра. Когда он смотрел на нас, мы чувствовали, как он нас принимает, как доверяет нам и любит. Он любил каждого в равной степени, как будто он и был

самой любовью.

Он очень глубоко сопереживал каждому из нас. Никогда раньше я не чувствовала себя настолько живой и любимой. Желая помочь человеку, он всегда говорил правду, не боясь осуждения со стороны других.

Как-то я отправила Ошо письмо, в котором рассказала про свой сон. Мне казалось, что сон был красивым и ярким, и я хотела, чтобы Ошо это оценил. Но в ответ он написал: «Сны – это сны. В них нет особого смысла». Я жутко разочлилась. В конце концов, не из-за того ли, что мне приснился очень важный сон, я приехала сюда? Много лет я старательно записывала сны и считала, что каждый из них несет в себе значимое послание. Тогда, на дискурсе, я задала вопрос: «Почему ты говоришь, что сны не имеют никакого смысла?» И вот что он мне ответил:

– Я не только говорю, что сны не имеют никакого смысла, я еще и утверждаю, что все, что вы видите, когда бодрствуете, это тоже сон. Есть сны, которые вы видите, когда спите, и есть сны, которые вы видите с открытыми глазами, когда вам кажется, что вы не спите. И то, и другое – сон. И то, и другое не имеет никакого значения.

Как-то вечером мулла Насреддин, гуляя по городу, наткнулся на кучу навоза, лежащую посреди дороги. Он слегка нагнулся и стал внимательно ее рассматривать.

– Похоже, что это оно, – сказал он себе.

Потом он нагнулся ниже и понюхал.

– Да, да, это оно.

Он осторожно сунул туда палец и затем попробовал на вкус.

– Ну, точно оно! Слава Аллаху, что я не вляпался!

– Остерегайтесь анализа, – сказал Ошо.

Меня это сильно задело. Как он мог так говорить! Значит, моя жизнь бессмысленна и сны тоже?! Ну почему он не мог просто сказать что-нибудь приятное? Я же не сказала ничего такого, чтобы так меня обижать! Но несмотря на то, что во мне бушевал огонь, я все же понимала, что многого еще не вижу и не чувствую и поэтому не в состоянии осознать истинное значение его слов. Я не ощущала себя такой же счастливой и благословенной, как он. Может, и правда, я обманывала себя, считая свою жизнь осмысленной и важной? Я смотрела на него и видела в нем присутствие какой-то другой реальности, гораздо более глубокой реальности, которую в себе не чувствовала. Я видела ее в его глазах и в том, как он двигался.

Он развеял в пух и прах мое ошибочное мнение о себе, и это дало мне возможность исследовать себя настоящую.

Прошло полгода. Прабудде по делам нужно было ехать в Англию. У него был какой-то бизнес на двоих с братом. Он предложил мне поехать с ним, и, поскольку в это же время моя сестра собралась замуж, и я знала, что примерно через месяц снова вернусь в Индию, я согласилась. У меня был еще один повод поехать вместе с Прабуддой, и довольно вес-

кий. В ашраме я чувствовала себя настолько уверенно и безопасно, что хотела каким-то образом проверить себя и свой новый образ жизни. На самом деле, я была не вполне уверена в том, что поступаю правильно. Поэтому, когда я пришла на даршан к Ошо, чтобы попрощаться, и он спросил меня, почему я хочу уехать, я заплакала и просто сказала: «Я чувствую себя здесь так уверенно и безопасно...» А он улыбнулся и сказал: «Да, с любовью все чувствуют себя уверенно и безопасно».

Приехав домой, я ощутила, насколько сильно я люблю свою семью. Сестра была на десять лет меня младше. Когда я уезжала в Индию, ей было всего шестнадцать. Мы никогда не были по-настоящему близки – у нас просто не было такой возможности. Я всегда была для нее сестрой, возвращающейся домой лишь на каникулы, – почти чужая. А она была слишком мала. Но в этот приезд, на девичнике перед ее свадьбой, мы танцевали всю ночь, и было ощущение, что мы впервые действительно встретились и узнали друг друга. Когда я представляла Прабудду моим родителям, отцу послышалось, что его зовут «бедняга», и так он его и называл. Родители были счастливы, когда узнали, что моя новая жизнь складывается удачно. На этом мы вновь расстались.

Вернувшись в Индию, мы задержались в Гоа. Гоа для Пуны, как Брайтон для Лондона – ближайший морской курорт. За домом, в котором мы остановились, был высокий крутой утес. Однажды мы решили на него забраться, чтобы иссле-

довать пляж на другой стороне. Дорога шла сквозь зеленые луга и пышную растительность джунглей. Побродив по пляжу, мы отправились домой. Когда мы взобрались на вершину утеса, я вдруг увидела – это было словно кино, крутившееся у меня в голове, – что в нас кто-то стреляет, а мы прячемся в траве. Я сказала Прабудде: «Здесь нас могли бы запросто убить».

Солнце уже садилось и становилось оранжево-красным. Мы стали спускаться к дому. На нашей стороне утес был довольно крутым, камни шатались, а тропинка то и дело пропадала из виду.

Неожиданно я услышала сзади какой-то звук, повернула голову и метрах в десяти от нас увидела индейца с ружьем. Когда я остановилась и посмотрела на него, он приложил ружье к плечу, опустил на колено и прицелился в нас. Я была в ужасе, шок замедлил мои реакции.

Я тронула Прабудду за плечо. Он пробирался по склону впереди меня. Когда он повернулся ко мне, я сказала: «Смотри, кто-то хочет нас застрелить!»

«Черт!!» – вскрикнул Прабудда, схватил меня за руку и потянул вниз. Клянусь, мы не сбежали с утеса, мы с него буквально слетели.

У подножия нас встретили соседи. Они отвели нас в свой дом, посадили в темном углу и начали брызгать на нас «святой водой», исполняя при этом некое подобие ритуального танца. (В большинстве своем гоанцы – католики, но у них

особое христианство, смешанное с местной религией вуду.)

Мы рассказали о случившемся. Оказывается, всего несколько месяцев назад на этом утесе были убиты двое белых людей.

Я была заинтригована. Откуда у меня возникли мысли об убийстве? Наверное, мысли похожи на радиоволны, и все, что нужно, это просто настроиться на нужную «радиостанцию». Волны перемещаются в пространстве, но для того, чтобы их поймать, нужно радио. С мыслями, скорее всего, то же самое. Тогда понятно, почему близким людям, например, родственникам или влюбленным, одновременно приходят в голову одни и те же мысли. Или когда переезжаешь в новый дом, то можешь чувствовать его необычные вибрации – мысли тех, кто жил в этом доме до тебя. Однажды мы с другом решили провести эксперимент. Он сидел в одной комнате, а я – в другой и посылала ему свои мысли. Мы заранее договорились, что мысли могут быть любые: цвет, звук, слово, картинка, а он будет записывать все, что сможет уловить. Он смог правильно расшифровать шесть из десяти моих мыслей!

Как только мы с Прабуддой вернулись в Пуну, я погрузилась в чтение одной из книг Ошо под названием «Мистический опыт». Это были записи его бесед, которые он проводил в Бомбее пять лет назад. Темы дискурсов того времени во многом отличались от тех, на которых присутствовала я. Тогда он чаще говорил об эзотерике, объяснял явления призра-

ков, рассказывал о чакрах, о семи телах человека. Теперь же его интересовали более земные вещи, и он уже не отвечал на вопросы, связанные с мистикой и сверхъестественным. Ошо начал беседовать с людьми тридцать лет назад, и с тех пор он во многом изменился, в основном благодаря аудитории, перед которой говорил. Позже он признался, что раскидывает свои сети в зависимости от людей, которых хочет поймать. Как только Ошо стал высказываться против религий, которые раньше приветствовал, многие представители этих религий от него ушли. Зато остались те, кто по-настоящему его ценил и понимал. И эти немногие могли слышать его истинное послание миру.

Прошло несколько недель. И в какой-то момент мне вдруг показалось, что с меня достаточно той любви и света, которые меня окружали. Мне стало скучно, и я решила, что пора съездить на Бали, получить опыт черной магии. В детстве в Корнуолле меня будоражила и даже немного вдохновляла идея существования дьявола. Я приходила в церковь поздними вечерами, когда никого не было, и пыталась вызвать Иисуса. Но у меня не слишком-то получалось. Только однажды я увидела небольшое пятно света, после того, как произнесла: «Иисус, появись!» Но вызывать дьявола было гораздо веселее. Друзья вздрагивали, мебель скрипела, стаканы разбивались. Темная сторона жизни казалась более реальной и наполненной большей энергией.

Во время одного из дискурсов я спросила у Ошо: «Ты го-

воришь: „Осветите темноту, и она рассеется. Каждый из вас – это свет“. Тогда где она – темнота? И почему мне так хочется ее познать?»

Ошо начал отвечать... Но уже первого предложения было достаточно, чтобы все стало на свои места.

– «Осветите темноту, и она рассеется», – в буквальном смысле это значит: зажгите в темноте свет, и она начнет светиться.

Светящаяся темнота! Поиски светящейся темноты! Я так и подпрыгнула от радости. Как же мне хотелось ее отыскать. Светящаяся темнота воплощала для меня поэтическую мистику беспредельного счастья, к которому я так стремилась. Иногда в моей жизни бывали такие моменты, оставляющие после себя шлейф незабываемой сладости.

И хотя я приняла саньясу девять месяцев назад в Лондоне, я все же чувствовала, что истинное посвящение случилось со мной тогда, когда я коснулась стоп Ошо.

Меня, кстати, с самого начала шокировало то, что после бесед, когда Ошо удалялся к себе в комнату, индусы подходили к подиуму, кланялись и клали голову на то место, где только что стояли стопы Ошо. Воспитанная на Западе, я ни разу не видела, чтобы почтение выражали таким образом. Это было для меня неприемлемо. И тем не менее, мой час тоже настал. Это случилось на празднике Гуру Пурнима (отмечается во время полнолуния в июле; в этот день индусы приветствуют всех религиозных учителей и мастеров).

Ошо сидел в своем кресле. Вокруг него стояли музыканты и люди в самых разных настроениях: они смеялись, пели, качались, и, кроме того, была очередь людей, которые хотели коснуться стоп Мастера. Зал был набит до отказа. Первые лучи восходящего солнца освещали искателей, и от этого они как будто светились. Все дышало праздником. Я встала в хвост очереди, которая тянулась через сад и доходила до самых ворот. Я видела, что стоящие впереди меня дотрагивались до стоп Ошо и затем отходили в сторону. Стоя в очереди и потихоньку передвигаясь из сада в зал, я почти забыла, зачем стояла. Празднование было таким захватывающим!

Неожиданно я оказалась перед Ошо. Помню, как нагнулась. Но дальше в моей памяти провал. Следующее, что я помню, это как я встала и побежала. Я бежала и бежала, и плакала. Один мой друг попытался остановить меня и утешить, думая, что мне плохо, но я его оттолкнула. Я должна была бежать. Я могла бы так добежать до самого края света и там исчезнуть.

Как раз в то время я прошла несколько терапевтических групп. Благодаря им я стала лучше осознавать происходящее. А знание, что мои эмоции – это вовсе не я, оказалось для меня бесценным. Впервые я смогла признать и выразить свои негативные реакции. На самом деле, чувствовать, как энергия гнева пульсирует в твоём теле, и ничего с этим не делать (естественно, никак не задевая окружающих) – это по-

трясающий опыт.

Когда люди собираются вместе и проводят несколько дней, желая каким-то образом прикоснуться к своей внутренней сути, атмосфера в группе становится очень насыщенной. Помню, у меня были даже галлюцинации. Мне показалось, что стены раздвинулись и форма комнаты изменилась. Скорее всего, искажение случилось из-за выброса адреналина в организме: именно в тот момент я встретила с какими-то глубинными страхами. А потом я испытала блаженство от одного только сознания, что все страхи – только лишь проекции ума.

На другой группе в меня снова «вселился» тот «любящий горбун», в которого я перевоплощалась на одной из «Динамических». Тело мое перекосилось. Участники были в ужасе, и даже опытный ведущий оказался в растерянности. А вечером после одного потрясающего даршана со мной произошел еще один случай. По дороге домой я стала свидетелем драки между двумя индусами. Я чувствовала себя очень открытой и уязвимой, и сцена насилия поразила меня настолько, что я вновь почувствовала в себе «присутствие» горбуна. Но в этот раз я не хотела ему мешать. У меня хватило сил сказать себе: «Пойду-ка я лучше в тени деревьев, чтобы меня никто не видел». Неожиданное искривление тела меня совсем не испугало, физические ощущения не шли ни в какое сравнение с той потрясающей, огромной любовью, которая нахлынула на меня словно огромный океан. В моей голове

крутилась только одна мысль: «Завтра расскажу об этом ведущему». Идти до дома оставалось пятнадцать минут, и все это время я за собой наблюдала: иду, хромая, в тени старых бенгальских фикусов, глаза закатились, язык вывалился из рта. На подходе к дому я начала выпрямляться – «горбун» исчезал. Больше он ко мне не возвращался никогда. На следующий день я никому ничего не сказала. Я знала, что окружающие сочтут меня сумасшедшей. К Ошо я тоже не стала обращаться, потому что для меня в том, что со мной случилось, не было ничего сверхъестественного и неправильного.

Я слышала, как Ошо говорил, что сознательный ум – всего лишь вершина айсберга. Подсознание же полно различных страхов и подавленных желаний. В «нормальном» обществе нет атмосферы безопасности и понимания – той, что царила в ашраме, и я никогда в жизни не позволила бы себе получить этот опыт. Я с самого начала подавила бы в себе все импульсы, и у меня не было бы возможности избавиться от них через естественное их выражение. Вместо ощущения внутреннего освобождения росло бы мое беспокойство. Почему в западном обществе так много сумасшедших, особенно среди по-настоящему талантливых и восприимчивых людей – артистов, художников, музыкантов и писателей? На Востоке такого нет. Там все медитируют. В одном из циклов бесед под названием «Возлюбленный» Ошо сказал:

«С ума сходят двумя способами: вы либо скатываетесь на уровень ниже обычного, либо поднимаетесь и станови-

тесью выше обычных людей. Если вы скатываетесь вниз, то вас считают больным и отправляют в психиатрическую больницу, чтобы вернуть к „обычному“ существованию. Но если же вам удастся подняться над обыденностью, это уже не болезнь. Наоборот, впервые в жизни вы здоровы как никогда, наконец-то вы достигли внутренней целостности. Не бойтесь этого. Если благодаря безумию ваша жизнь становится более разумной, то вам не о чем беспокоиться. И помните: сумасшествие как болезнь всегда начинается помимо вашей воли. Отсутствие воли – это характерный признак болезни. Вы не в состоянии с нею справиться, она начинается и все. Но если благодаря сумасшествию вы выходите за рамки обычной действительности, если вы растете, то это уже совершенно другая история. Когда вы сами инициируете безумие, вы можете позволить себе в нем побыть, а можете из него выйти: вы – Мастер. В любой момент вы можете остановиться или пойти глубже, если захотите. Вы – хозяин положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.